

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

ПРОТИВ НЕКРИТИЧЕСКОГО И ПРОИЗВОЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ¹

И. Ф. ГИНДИН, Л. Е. ШЕПЕЛЕВ

Последние годы, прошедшие после XX съезда КПСС, ознаменовались серьезными достижениями в изучении отечественной истории. Значительно расширилась источниковедческая база исследования, особенно возросло использование архивных материалов. Много новых фондов поступило в государственные архивы. Ими проведена большая работа по упорядочению документальных материалов. Число работающих в архивах сильно возросло за счет молодых историков, а также других научных работников — искусствоведов, историков техники, экономистов. В читальных залах архивов ежегодно занимается около 30 тыс. человек, что более чем в 5 раз превышает число работавших до 1955 г. Многие из них впервые обратились к работе над архивными первоисточниками, не имея ни элементарной источниковедческой подготовки, ни навыков в работе над архивными документами, что часто приводит к серьезным недостаткам в их использовании. Сущность этих недостатков выражается прежде всего в их фетишизации, т. е. крайней переоценке значения архивных материалов, независимо от их содержания.

Начиная с XIX в. и особенно с периода капитализма документальные материалы во много раз разрастаются по сравнению с предшествующей эпохой. Исследователь должен изучать большой комплекс, иногда целые «массивы» документов и уметь выделить основные, важнейшие. Фетишизация же документов нередко приводит исследователя к тому, что он предпочитает незначительные документы (лишь потому, что они «новые», им «найденные»), крупным по значению документам, раз они уже «известны». Фетишизация ведет и к переоценке достоверности многих материалов, хранящихся в архивах. Ссылки на архивные материалы приобрели в представлении некоторых исследователей смысл бесспорного доказательства. Особое распространение получило использование отдельных документов вне их комплекса, т. е. «архивные примеры» и «архивные иллюстрации» предвзятых концепций. Порой ссылки на архив прикрывают необоснованные авторские утверждения; обилие ссылок на архивные материалы нередко ставится автору в особую заслугу, совершенно независимо от того, как используются архивные документы.

Как это ни парадоксально, фетишизация архивных документов сочетается с невниманием и пренебрежением со стороны авторов к правильности ссылок на эти документы как к техническому элементу работы.

Крайняя переоценка архивных документов тесно связана с непониманием значения других важных исторических источников и их игнорированием (ведомственных изданий, публицистики и пр.).

Живучести и даже некоторому распространению недостатков в использовании

¹ В основу статьи положены доклады тех же авторов на научных конференциях архивных работников СССР (май 1964 г.) и Ленинграда (февраль 1964 г.).

архивных документов способствует невниманию научной общественности и издательства к этой важной стороне исследовательской работы. Для неспециалистов погрешности в использовании архивных документов не заметны. Исследователи же, работающие в той же области, что и автор новой работы, нередко знакомы с документами, которые в ней неправильно истолкованы. Не разделяя концепции автора, они вступают подчас в дискуссию с ним; однако, даже выступая в роли рецензентов, они из ложно понятых научно-этических соображений не решаются касаться неправильной методики использования источников, опасаясь обвинения в якобы недостойных способах полемики². К тому же обстоятельный критический разбор предвзято неверного использования документа нуждается в исчерпывающей и подробной аргументации, что даже для рецензента-специалиста нередко связано с необходимостью вновь обратиться к архивному подлиннику. Авторские же измышления, «подкрепленные» ссылками на архивные документы, часто привлекают особое внимание своей «новизной» и легко получают распространение через обобщающие работы, вузовские учебники и т. п. Все это усугубляет последствия неверного использования документов.

В последующем изложении указанные недостатки рассматриваются применительно к использованию источников по истории СССР периода капитализма, главным образом социально-экономической.

Фетишизация архивных документов, разумеется, лишь наносное явление.

Начало становления советской исторической науки совпало с организацией архивов СССР (1917—1934 гг.). Первые успехи молодой науки проявились в 20-х годах в тех новых направлениях, которые были органически чужды буржуазной историографии, — в области исследования истории русского революционного движения или проблем социально-экономической истории России (таких, как положение ее в системе мирового империализма). Они могли разрабатываться лишь на недоступных ранее архивных источниках. Процесс концентрации архивных фондов, а тем более их систематизация и описание требовали времени, поэтому первым советским исследователям часто приходилось вести поиски без всяких ориентиров. Новые, неизвестные ранее документы в первых работах и публикациях документов нередко были плодом счастливых находок³.

Недостатки в использовании источников имели мало общего с их осознанием под влиянием предвзятых концепций. Недостатки тех лет носили преходящий характер, преодолевались в процессе развития исторической науки, осваивая ленинское наследие, понимания во всем его многообразии ленинского этапа в развитии марксизма. Увлеченность работой над архивными материалами отнюдь не вела тогда к забвению других исторических источников. Идеологическая борьба с русской дворянско-буржуазной историографией и ее живыми адептами привлекала внимание к ее литературе и расширяла тематику молодой советской исторической науки.

В течение следующих двух десятилетий значительно продвинулось исследование истории классовой борьбы, революции 1905—1907 гг., проблемы промышленного переворота, истории империализма в России в плане экономических предпосылок социалистической революции. В то же время серьезным препятствием и в развитии исторической науки сделались распространившиеся догматизм и начетничество. Положения «Краткого курса истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)», например, зачастую возводились в ранг непререкаемых истин. Освоение ленинской методологии, проникновение в непревзойденную диалектичность историзма ленинских работ стало нередко подменяться догматическим восприятием отдельных положений, особенно тех, которые выдвигались в работах Сталина. У многих исследователей исчезало понимание важнейшей стороны диалектичности ленинского историзма — единства общего и особенного, т. е. обязательного для историка понимания

² См., напр., рецензию В. С. Дякина на книгу Я. И. Лившина «Монополии в экономике России», М., 1961 («История СССР», 1963, № 4). Вопрос об аппарате не ставится в рецензии. Между тем В. С. Дякин встретился с этим вопросом в своей исследовательской работе и в 1962 г. с полной отчетливостью показал, как произвольно используются в той же книге Я. И. Лившина документы об электростанциях в России (Сб. «Монополии и иностранный капитал в России», М.—Л., 1962, стр. 208—209).

³ В наши дни это стало в значительной мере анахронизмом, но все еще не изжито представление, что плодотворные результаты зависят не от систематической и весьма трудоемкой работы над массой документов, а от «счастливых открытий».

главных закономерностей исторического развития и в то же время их национально-особенного проявления. Вместо этого главные закономерности возводились в догму, которую достаточно было «подтвердить», проиллюстрировать, «раскрыть» на новом историческом материале России. И это сильно отразилось на использовании архивных материалов.

Резко упали внимание и интерес к работам предшественников. Использование в советских исследованиях буржуазной литературы в качестве источника сведений стало постепенно отождествляться с оживлением и чуть ли не пропагандой чуждых нам концепций и представлений их буржуазных авторов. Немалые достижения первого периода советской исторической науки были несправедливо забыты и в историографическом плане, и в качестве отправных вех и источников новых исследований, были изъяты книги и ценные публикации. Практически единственным источником новых исследований становились архивные материалы. В архивы же исследователи стали приходить с одогматизированными, в указанном выше смысле, положениями, и это предрасполагало к восприятию архивных материалов сквозь призму готовых концепций.

«Раскрытие» готовых концепций не нуждалось в тщательном анализе архивных документов. Иллюстративный метод требовал лишь подтверждения концепции на новом материале. Новыми же нередко были второстепенные, малозначащие документы, порой они лишь казались новыми, поскольку не сравнивались ни с документами, использованными в литературе, ни с забытыми публикациями. Так складывалась тенденция оценки диссертаций и издаваемых работ прежде всего по обилию «глухих» ссылок на архив⁴, как главного критерия «новизны» и «научности».

Фетишизации архивных материалов способствовала и изменившаяся обстановка работы в архивах, переданных Министерству внутренних дел. Ряд фондов и важных документов периода капитализма был необоснованно засекречен, доступ в архивы обставляли осложняющими формальностями. Вместо помощи исследователю в поисках материалов брали под контроль и его и отбираемые им материалы. Все это создавало ореол значительности самого факта работы в архиве.

Казалось бы, серьезные недостатки в использовании архивных документов должны быстро изживаться на новом, нынешнем этапе развития исторической науки. Однако тенденция к фетишизации архивных документов, недостатки в их использовании все еще дают себя знать.

* * *

Каждое исследование, и это в принципе никогда не подвергалось сомнению, должно практически начинаться с изучения литературы по теме, а затем источников, более доступных и обозримых в первой стадии работы. Лишь после этого, овладев ориентирами для разыскания необходимых документов, исследователь вступает в фазу изучения архивных материалов. Практически же молодые и малоопытные научные работники, не проведя первой стадии изучения своей темы или сделав это крайне поверхностно и неполно, обращаются непосредственно к изучению архивных материалов. Решающее значение для действительно научного исторического исследования имеет выявление и изучение всей совокупности архивных источников, что не всегда удается достичь. Материалы по некоторым темам огромны да еще разбросаны по многим фондам, а нередко и архивам страны. Поиски существенных для темы документов весьма трудоемки и требуют некоторых специальных знаний. Умение использовать все возможности для облегчения поисков имеет решающее значение для их успешности.

Малоопытные исследователи с предубеждением относятся к публикациям архивных материалов, которые в их представлении не являются новыми и «первоклассными» источниками. Многочисленные факты свидетельствуют о незнании или игнорировании публикаций. Так, авторы работ по истории театра часто использовали архивный фонд Дирекции императорских театров ЦГИА СССР. Между тем документы фонда за вторую половину XVIII в. почти полностью изданы еще в конце прошлого столетия⁵.

⁴ «Глухими» ссылками мы называем такие, которые не дают никакого представления об использованных документах.

⁵ Архив дирекции императорских театров. Вып. 1 (1746—1801 гг.). Отдел II. Документы, СПб., 1892.

Утеря части ранее опубликованных архивных документов, например гибель их в годы гражданской и Великой Отечественной войн, должна особо привлекать внимание к публикациям документов.

Научные работники имеют теперь полную возможность ознакомиться со всеми документальными сборниками, изданными архивными учреждениями СССР за период с 1917 по 1960 г.⁶ Особую ценность представляют тематические (в том числе серийные) сборники документов, опубликованные в последние 7—8 лет и содержащие много первоклассных документов. Ряд сборников охватывает основные материалы по теме, которые отбирались составителями с возможно полным выявлением имеющихся документов, что практически трудно сделать отдельному исследователю. Некоторые сборники содержат сведения о не вошедших в публикацию документах.

Публикация архивных документов велась, помимо сборников, и в многочисленных периодических изданиях, иногда в приложениях и даже в примечаниях к авторским работам. Порой их вновь «открывают» в архивах даже опытные исследователи. Еще сложнее обнаружить разрозненные досоветские публикации документов⁷. Назрела необходимость, чтобы архивные учреждения издали, наподобие упомянутого выше «Каталога», аннотированные справочники не вошедших в «Каталог» советских и всех досоветских публикаций.

Другим проявлением фетишизации архивных документов является недооценка исследователями различного рода так называемых ведомственных изданий — этого характерного для периода капитализма вида исторических источников.

К ним относится широкий круг изданий государственных учреждений: высших (Комитет и Совет министров, Государственная дума, Государственный совет); отчеты о деятельности министерств и других центральных правительственных органов, их документы и материалы по разным вопросам (ведомственные издания в буквальном смысле); документы и материалы различных местных правительственных учреждений. Однако сложившееся терминологически неточное понятие ведомственных изданий охватывает и многое другое: аналогичные издания местных самоуправлений (городов и земств) и разных общественных учреждений (земский и городской союзы в 1915—1917 гг., например); издания разных обществ — научных, технических, экономических, просветительных; общественных организаций (профессиональные союзы, больничные кассы, предпринимательские организации); издания частнокапиталистических предприятий, банков, монополистических объединений (отчеты, записки, обзоры и т. п.).

К «ведомственным изданиям» по существу относятся все статистические издания самого разнообразного типа и значения и справочные издания. За исключением законодательных и статистических изданий, стенографических отчетов Государственной думы и некоторых широко известных отчетов правительственных учреждений (в роде отчетов государственного контролера) они почти не привлекают внимания исследователей. «Ведомственные издания» — это документы, созданные в делопроизводстве разных учреждений и организаций, часто ценные, сводного характера. Большинство их при самом составлении, в отличие от архивных делопроизводственных документов, были предназначены не для внутреннего пользования, а для внешнего мира. В целом вопрос об этих изданиях слабо изучен, не привлекает до сих пор внимания источниковедения и библиографии, хотя целые пласты их находятся в настоящее время в фондах крупнейших научных библиотек СССР.

«Ведомственные издания» обычно хранились не в архивах учреждений, а в их библиотеках, которые были разъединены с архивами в 20-х годах. Некоторые ведомственные издания приобщались, но далеко не всегда, к обычной делопроизводственной документации. По существовавшему порядку их архивные (рукописные и машинопис-

⁶ См. «Каталог сборников документов, изданных архивными учреждениями СССР, 1917—1960 гг.», М., 1961.

⁷ Так, например, только через 50 лет были использованы в качестве опубликованных источников очень важные правительственные документы 60—70-х годов XIX в., напечатанные в книге «М. Х. Рейтерн. Биографический очерк с приложениями из посмертных записок М. Х. Рейтерна», СПб., 1910. Эти записки в действительности являются «всеподданнейшими докладами», которые Рейтерн представлял Александру II в 1866—1878 гг. Авторы биографии, занимавшие официальное положение (А. Н. Куломзин и В. Г. Рейтерн-Нолькен), назвали доклады министра царю «посмертными записками», очевидно, для удобства их публикации.

ные) оригиналы уничтожались как ненужные. Еще более возрастает значение ведомственных изданий в случае неполной сохранности архивных фондов⁸. По некоторым темам (например, по истории железнодорожного дела в России) ведомственные издания представлены настолько полно, что обращение в архив может быть сведено лишь к изучению некоторых аспектов этой темы⁹.

«В принципе» общепризнано, что многие работы предшественников помогают определить откровенные позиции исследования, ориентируют в работе над обширными архивными материалами и в определении их действительной новизны, наконец, возмещают источник, если материалы были впоследствии утрачены или не обнаружены исследователем. Все это относится к советским исследователям, но не столь очевидно по отношению к буржуазным. До сих пор упускаются две особенности монографических работ буржуазных авторов. Они нередко имели доступ к архивам и использовали документы, а нередко были и современниками изучавшихся ими явлений. В их работах содержится немало фактов и обобщений, которые делались ими как участниками или повседневными наблюдателями событий.

В то же время среди архивных документов имеются в изобилии чисто конъюнктурные, которые выражают узкие групповые интересы отдельных прослоек эксплуататорских классов в определенный момент. Их составители мало церемонились с цифрами и фактами для обоснования своих домогательств. Подобные документы по своему содержанию смыкаются с таким источником, как публицистика.

Такие связи и соотношения между монографической литературой, публицистикой и документальными материалами типичны для периода капитализма. Их необходимо учитывать для критической оценки архивных документов. Между тем указанные связи и соотношения остаются непонятными для немалого числа научных работников. Им кажутся факты и цифры, а нередко и выводы узкогрупповых и конъюнктурных документов самыми достоверными, да еще «новыми». И напротив, игнорируются свидетельства монографических работ авторов, классовые и политические позиции которых нетрудно определить, и, благодаря этому, критически оценить факты.

К чему приводит такой подход, показывает освещение вопроса об иностранных капиталах в России многими нашими исследователями. Если они упоминают работы Б. Ф. Брандта («Иностранные капиталы, их влияние... СПб., 1898—1899) или П. П. Мигулина («Русский государственный кредит», Харьков, 1902—1907), то, главным образом, чтобы отметить непатриотичность русской буржуазии. И одновременно заимствуют без малейшей критики из архивных документов всякого рода «острые» утверждения о вреде иностранных капиталов, не учитывая, что авторами документов чаще всего были представители камарильи и реакционнейших группировок помещиков, которые (по собственным их декларациям) являлись единственными «истинными» патриотами среди всех групп и слоев господствующих классов. Подобным же образом некритически используются в работах о монополиях документы, составленные с чуждых нам позиций конкурентов-аутсайдеров или капиталистов — покупателей продукции монополизированных отраслей.

Довольно распространено среди некоторой части исследователей использование содержащихся в архивных материалах разного рода сведений фактического характера, которые огульно рассматриваются как самые точные. Эти исследователи не учитыва-

⁸ К сожалению, поиски ведомственных изданий в библиотеках осложняются отсутствием сводного систематического указателя этих изданий за вторую половину XIX — начало XX в. и невозможностью выявления даже их фактического наличия по справочному аппарату научных библиотек. Вопрос о подготовке указателя в настоящее время изучается ЦГИА СССР, в библиотеке которого сосредоточена одна из наиболее полных коллекций ведомственных изданий.

⁹ От ведомственных изданий необходимо отличать делопроизводственные документы правительственных учреждений, которые в период капитализма часто размножались в относительно небольшом количестве типографским способом («типографские экземпляры»). Эти документы частично поступали от правительственных учреждений в Петербургскую публичную библиотеку, иногда оседали в частных библиотеках крупных чиновников, профессоров-экспертов и т. п. В составе этих библиотек печатные делопроизводственные документы поступали после Октября в Библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, в Библиотеку им. В. И. Ленина. В архивной практике печатные делопроизводственные документы получили название «печатные записки», которое не выражает их самого разнообразного содержания.

ют одну из существенных особенностей архивных материалов периода капитализма. В процессе подготовки документов, особенно сводного характера, в делопроизводстве учреждений и организаций практиковалось использование как других делопроизводственных материалов, так и разного рода печатных работ, обычно без ссылки на них. Извлеченные из таких работ фактические сведения отнюдь не становились достовернее от того, что их перенесли в архивные документы.

Особого внимания заслуживает широко распространенное использование любых статистических сведений, включенных в состав архивных документов, вместо обращения к статистическим изданиям.

Статистическими источниками периода капитализма являются только статистические издания и лежащие в их основе документальные материалы, т. е. первичные данные статистического учета (текущего или разовых обследований и переписей) и первичная обработка этих данных, а также последующие «промежуточные» сводки (таблицы), но только в части тех показателей, которые не были включены в таблицы статистического издания.

Работа над документальными материалами статистики заключается в самостоятельной, полной или выборочной, обработке их исследователем. Она необходима при изучении вопросов, которые сознательно игнорировались буржуазной статистикой или оставались вне поля ее зрения. Использование показателей, не вошедших в статистическое издание, является дополнением к изучению статистических изданий.

Помимо того, обращение к статистическим документальным материалам нужно в тех случаях, когда их обработка не была завершена (не доведена до издания или же издана в неполном виде). Примерами могут служить те статистические данные, которые были собраны в 1916—1917 гг., но не обработаны или не изданы (статистические ежегодники, переписи и обследования, проводившиеся в эти годы).

Основным источником для массы исследователей должны служить статистические издания периода капитализма. Они весьма многочисленны и разнородны. Содержание их, порядок составления и первичная статистическая база обычно известны. Они поддаются критической оценке, и исследователь в той или иной степени может определить их достоверность, иногда ознакомиться для этого с их документальной статистической основой.

В виде исключения в архивных документах могут встретиться и непредназначавшиеся к изданию статистические данные, собранные лишь однажды для выяснения узко специального вопроса, не являвшегося объектом ни текущего статистического учета, ни переписей и обследований.

Все остальные (кроме указанных выше) статистические сведения, которые находятся в составе других архивных документов или в приложениях к ним, ни в малейшей мере не являются документальными материалами. Они заимствованы, как правило, из статистических изданий, но без ссылки на них. Нередко они представляют собой данные неоконченного «оперативного» статистического учета, например, предварительного за тот год, когда составлялся документ, т. е. сведения по своей сути неточные.

Встречаются в документах и такие броские цифровые расчеты, которые построены на никому неизвестных статистических данных и исходят от прямо заинтересованных лиц, и тем более требуют проверки. Но нередко подобные «статистические» расчеты особенно устраивают исследователя, подтверждают то, что он ищет, и именно поэтому вызывают к себе полное доверие.

Примером, который комплексно характеризует некритическое отношение к включенным в документы «статистическим» расчетам и к их автору могут служить широко известные «расчеты Гужона». Они в качестве «статистических данных» были, без тени сомнения в их документальной достоверности, приняты рядом советских исследователей, так как внешне соответствовали их взглядам на так называемое «подчинение» царизма капиталистическим монополиям.

Суть вопроса, к которому относились расчеты Гужона, заключалась в следующем. Правительство с 60-х годов XIX в. поддерживало заводы транспортного машиностроения и черной металлургии посредством железнодорожных заказов на подвижной состав и рельсы, в том числе путем оплаты их по твердым, выгодным для заводов ценам. В результате в России в XIX — начале XX в. по существу не было рыночных цен ни на подвижной состав, ни на рельсы. Но к концу 90-х годов значение этой поддерж-

ки для металлургических заводов сильно изменилось вследствие огромного роста производства других металлов — рыночных сортов. При малых отклонениях в издержках производства тех и других сложились два принципиально отличных вида цен на продукцию заводов — твердая и рыночная. Во время подъема 90-х годов расхождения обоих видов цен не вызывали противоречий между заводчиками, хотя одни заводы производили и рельсы, и рыночные сорта, а другие — только рыночные металлы.

С началом кризиса в 1900 г. правительство ради поддержки заводов увеличило твердые цены по заказам на подвижной состав и рельсы и закрепило их за заводами, которые были поставщиками до 1900 г. Это являлось отнюдь не новой мерой их поддержки. Новыми были два обстоятельства, и оба затрагивали только металлургию. В отличие от 60—80-х годов рельсы составляли к концу 90-х годов лишь меньшую часть всей продукции и изготовлялись только частью заводов (заказы на подвижной состав охватывали всю продукцию транспортного машиностроения). Рыночные цены металлов стали скачкообразно падать и сильно разошлись с увеличенными твердыми ценами на рельсы. Возникло резкое противоречие между двумя группами заводчиков, производившими рельсы и не изготовлявшими их, что сильно осложняло организацию и рост синдиката «Продамета». Расхождение между двумя видами цен затянулось до конца депрессии.

С 1901 по 1908 г. Гужон как представитель второй группы заводов неоднократно выступал в правительственных совещаниях и в предпринимательских организациях с филиппиками против «несправедливых» переplat избраным заводам, но, как явствует из архивных документов, он добивался, чтобы такая же сумма в виде дотации была передана предпринимательской организации самих заводчиков для «справедливого» распределения между всеми заводами. Гужон был прямо заинтересован в преувеличении суммы переplat. Так возникли «расчеты Гужона», которые фигурируют в архивных документах и ведомственных изданиях, но менялись во времени.

К 1901 г. относится первый и к 1907 г. — последний «расчет Гужона», они менялись к невыгоде для их автора. Уменьшалось количество заказов на рельсы, были снижены твердые цены на них, несколько стабилизировались цены на рыночные металлы. По расчетам самого Гужона, переplата за рельсы составила: в 1900 г. — 8,5 млн руб.; в 1904 — 5,0 млн, в 1907 г. — уже только 2,7 млн руб. Тогда Гужон для «убедительности» своих расчетов добавил к ним с 1904 г. не интересовавшие его ранее переplаты за подвижной состав и «поднял» общую сумму переplat до 16,3 млн руб. в 1904 г. и до 9,5 млн руб. в 1907 г.

Расчеты Гужона по рельсам были преувеличены, но не фантастичны (26% к рыночным ценам других металлов). Расчеты же по подвижному составу вымышлены без всяких оснований. Так, переplата по товарным вагонам была «объявлена» Гужоном в суммах 6,8 и 4,3 млн руб. т. е. в 1,35 и в 1,6 раза больше, чем переplата по рельсам. К себестоимости изготовления на заводе металлических частей товарного вагона это должно было бы достигать невероятной надбавки — почти 70%. Заводы, изготовлявшие в то время только товарные вагоны, казались, должны были бы «по Гужону» процветать. На самом же деле они были убыточными, некоторые были изъяты от владельцев в управление кредиторов. Напротив, ряд заводов, поставлявших рельсы, был прибыльным даже во время кризиса и депрессии.

Все это ничуть не помешало тому, что «расчеты Гужона» были подхвачены заинтересованной в них предпринимательской прессой и буржуазными экономистами — Л. Б. Кафенгаузом¹⁰ и М. И. Туган-Барановским (в газете «Речь») для их «критики» правительственной политики.

Труднее понять, зачем ряд наших авторов, без всяких оговорок и сомнений, сделал широким достоянием советской литературы сомнительные «расчеты» Гужона — 16,3 и 9,5 млн руб.¹¹ Если б вместо популяризации «расчетов» подвергнуть их критической

¹⁰ Л. Б. Кафенгауз. Синдикаты в русской железной промышленности, М., 1910, стр. 131—132.

¹¹ Одним из первых использовала «расчеты Гужона» 1901 г. П. И. Лященко («История народного хозяйства СССР», т. II, стр. 321), но, понимая условность расчета, сделал к нему существенные оговорки. За последние 5 лет «расчеты Гужона» 16,3 и 9,5 млн руб. в качестве бесспорных приведены в нескольких работах и почти совпадают текстуально. А. Л. Цукерник. Синдикат «Продамет», М., 1959, стр. 81;

проверке, то пришлось бы обратиться к документальным материалам правительственных комиссий, устанавливавших твердые цены¹². В этом случае мы давно бы имели методически правильные, а не «по-гужоновски» рассчитанные суммы дотационного финансирования в форме заказов в 1900-е годы. Главное же, были бы давно открыты действительные причины правительственной политики, проводившейся с конца 60-х годов в поддержку металлургии и транспортного машиностроения.

Неправильное обращение с источниками нередко связано и с тем, что в архивных фондах периода капитализма делопроизводственная документация часто перемежается с источниками и материалами иного происхождения. В архивные дела нередко подшивались используемые в то время для текущей работы самые различные материалы: оттиски и даже полные экземпляры статистических изданий, оттиски и экземпляры сторонних ведомственных изданий, оттиски из журналов, вырезки из газет и т. д. Но эти материалы, не относящиеся к архивным документам, не могут никак заменить самостоятельной работы исследователя над публицистикой, ведомственными изданиями, статистическими сборниками. В лучшем случае они могут лишь заполнить возможные пробелы в работе над этими источниками.

Однако наличие в архивах разного рода неархивных материалов лишь укрепляло представление о ненужности непосредственного обращения к другим источникам, и эти посторонние материалы стали фигурировать в работах в качестве «архивных» со ссылками на архивные дела. У некоторых малоопытных авторов увлечение работой в архивах вызывает даже превратное представление, что богатство материалов по теме дает возможность завершить почти всю работу «самостоятельно»¹³.

Нельзя пройти и мимо такого явления, когда некоторые мимолетные посетители архивов хотят лишь украсить свои работы ссылками на архив и притом «ввести в научный оборот» несколько обязательно «новых» документов. Иногда для этого используются и опубликованные документы, но с ссылкой только на архивный шифр, который указан в публикации.

Источниковедение все еще мало способствует ликвидации недостатков в использовании документов периода капитализма, не ориентирует в этом направлении практическую исследовательскую работу. Достаточно сказать, что в вузовских курсах по источниковедению истории СССР периода капитализма ничего не говорится о таких чрезвычайно важных для критики источников особенностях, как проникновение в состав делопроизводственных документов материалов иного происхождения (из литературы, публицистики и статистических изданий) или же отмеченные выше связи и отношения между архивными документами, публицистикой и современной им монографической литературой. Они обойдены даже в объемистой и совсем недавно изданной

«Небольшая группа предприятий-фаворитов получала как бы косвенную премию, размер которой, к примеру, в 1904 г. составлял 16 млн руб., а в 1907— 11 млн руб.» (Ссылка на орган предпринимателей «Горнозаводской листок»); А. П. Погребинский. Государственно-монополистический капитализм в России. М., 1961, стр. 68: «По некоторым подсчетам... такие переплаты складывались в огромные суммы. Так, только в одном 1904 г. они составляли свыше 16 млн руб.» (ссылка на Л. Б. Кафенгауза); Я. И. Лившин. Монополии в экономике России, М., 1961, стр. 162: «Расчеты заводчика Ю. П. Гужона показали, что общая сумма переплат по всем заказам в 1904 г. 16,3 млн руб., а в 1907 г.— 10,8 млн руб.» (ссылка на издание Министерства торговли и промышленности).

На последнее издание ссылались и Л. Б. Кафенгауз и «Листок». Но в издании две арифметические ошибки на 1340 тыс. руб., которые сделал в расчете 1907 г. Гужон и исправил только Кафенгауз. Верный итог не 10,8, а 9,5 млн руб.

Документ, которым пользовался П. И. Лященко, полностью и без всяких комментариев опубликован совсем недавно в сборнике документов «Монополии в металлургической промышленности России», М.—Л., 1963, стр. 25—27, док. № 3.

¹² На основании этих материалов мы установили абсурдность цифры Гужона о переплатах за товарные вагоны.

¹³ Освоение новых архивных источников, бесспорно, является необходимым условием роста исторической науки. Возведение, однако, их полной новизны в ранг решающего критерия оценки исследований глубоко неверно по существу. Оно приводит к непониманию таких решающих условий подлинно научных исследований, как умение методологически и методически переосмыслить по-новому работы предшественников, глубокий анализ источников и новых, и уже известных, способность охватить весь комплекс документов и выявить из их массы те действительно существенные документы, которые дают основу для новых научных выводов широкого значения.

работе В. И. Стрельского¹⁴. Эта работа недостаточно ориентирует исследователей и на использование ведомственных изданий. Последние под наименованием «официальные справочно-информационные издания» фигурируют в работе в качестве частной разновидности делопроизводственной документации. Их описание и характеристика ограничиваются некоторыми важными, но в основном широко известными ведомственными изданиями¹⁵. Но изучающий курс ничего не узнает об огромном количестве ведомственных изданий, о том, что этот источник содержит целые пласты документов, среди них много важных и первоклассных.

Мы не решаемся утверждать, что в задачи источниковедения входит непосредственное ориентирование практической исследовательской работы по вопросам, выходящим за пределы сущности источников, их особенностей, их критики. Но начинающий исследователь не имеет необходимой помощи в правильной и экономичной организации своей работы в архиве. Совершенно очевидно, что нужны специальные пособия, ориентирующие в практике работы в архивах.

Среди недостатков в использовании архивных документов на первое место следует поставить не критическое к ним отношение. Иллюстративный «метод», в сущности, и не нуждался в критике документов, а лишь в «отборе» того, что подтверждает позицию автора. Некритическое отношение порой влечет гораздо более серьезное явление — искажение документа. Как из массы документов отбирались отдельные «нужные» и «новые», так из самого документа могла выхватываться деталь, которая «нужна» для подтверждения предвзятой концепции, но могла иметь совершенно иной смысл в общем контексте документа. Или же документ, смысл которого сводился к возможности события, — проскт, например, — принимался за свершившийся факт.

Анализ документов, органически присущий исследованиям, которые двигают вперед историческую науку, стал рассматриваться как «излишний». Такой анализ неизбежно сопровождается изложением содержания документов, включая в необходимой мере и цитирование их, что служит вместе с тем существенной формой введения в научный оборот важных новых документов. Однако это стало рассматриваться как «излишество», сделалась типичной лаконичная ссылка на шифр документа, как достаточное доказательство фактов, сведений и выводов, излагаемых в авторском тексте.

Примечательно, что именно в середине 1930-х годов советской археографией были разработаны правила публикации архивных документов, устанавливающие их исчерпывающую характеристику. И примерно тогда же, без всякой регламентации сложилась практика ссылок на архивные документы в исторических работах, практика глухих ссылок, совершенно противоположная археографическим правилам. Такая глухая ссылка из всего археографического оформления документа оставила один единственный пункт — местонахождение документа, даже название фонда было подменено безликим его номером. Все остальное, что археографией признано необходимым и обязательным (при наличии тут же самого текста документа), было сочтено ненужным в исследованиях.

Сложившаяся практика глухих ссылок (по существу, на одно лишь местонахождение документа) завершала не критическое иллюстративное использование документов, снимала обязательность их анализа, создавала мнимый ореол достоверности и новизны, ставила вне критики и сомнения использование архивных документов.

Разумеется, в серьезных исторических исследованиях раскрываются в тексте содержание и характер использованных крупных документов и даже целых фондов. Однако это является как бы личным научным подходом исследователя, а не обязательным требованием. Автор может этого не делать, и обилие глухих ссылок обеспечивает ему признание, что он «ввел в оборот» много новых документов.

Продолжающая действовать практика «глухих» ссылок является отнюдь не узкоприкладным, а принципиальным вопросом. Она затрундяет и даже часто делает не-

¹⁴ В. И. Стрельский. Источниковедение истории СССР. Период империализма. Конец XIX в.—1917 г., М., 1962, 603 стр.

¹⁵ Там же, стр. 209—239.

возможной критическую оценку источниковедческой основы работы, позволяет автору — невольно или сознательно — выдавать за архивный материал другие источники, находящиеся среди делопроизводственной документации, в том числе и широко известные. Эта практика делает почти неуязвимыми всякие вольные истолкования документов вплоть до извращения их смысла, она не дает возможности автору-специалисту судить об источниковедческой базе исследования и использовать ее для дальнейшего продолжения исследования. И, наконец, она способствует небрежному отношению к ссылкам на архивные документы.

Неправильные ссылки на документы (ошибочные номера фондов, описей, дел и листов) — явление довольно распространенное. А при отсутствии наименования и характеристики документа найти его становится невозможным.

Рассмотрим на конкретных примерах изданных монографий и статей недостатки в использовании архивных документов, не оценивая при этом содержание работ в целом. Эти примеры взяты из работ последних 3—5 лет, т. е. относятся уже ко времени, когда наша историческая наука достигла заметных и неоспоримых успехов.

Начнем с примеров неверного истолкования содержания документов в работе Я. И. Лившина¹⁶. Известные положения о высоком уровне монополизации русской промышленности и растущем влиянии монополистической буржуазии автор склонен сильно преувеличивать. Например, он утверждает, что монополии подчиняли железнодорожный транспорт, являвшийся в России твердыней государственно-капиталистического хозяйства. Эти концепции нас здесь не интересуют, мы обращали внимание лишь на то, какими средствами они доказываются, как используются для этого архивные документы.

На стр. 21 монографии, вопреки всему известному до сих пор в литературе о возникновении первого монополистического объединения сахарозаводчиков в середине 80-х годов, автор утверждает: «Картельные соглашения сахарозаводчиков стали возникать уже в середине 70-х годов XIX в. Первый из таких картелей появился в 1876 г., имея основной целью распределение между участниками краткосрочных кредитов, выделенных Киевской конторой Государственного банка для поддержания сахарной промышленности. Картель просуществовал до начала 80-х годов». В подтверждение этого важного сообщения автор попросту ссылается на архив: «ЦГИАЛ, ф. 587, оп. 56, д. 1024, л. 90». Указанный документ представляет внутреннюю справку банка о синдикате, организованном при Киевской конторе, по поручению правления Государственного банка¹⁷. Синдикат был образован «для предварительного определения размеров временных кредитов и для оценки представленных сахарозаводчиками векселей». Общая сумма выделенных Правлением банка для поддержания сахарозаводчиков средств определялась в 5 млн руб. (через год лимит был снижен до 3 млн). Как прямо указано в первых строках справки, синдикат имел «исключительно моральное значение», т. е. высказывал свое мнение о кредитоспособности заемщика и надежности его векселей. «Произносимые синдикатом суждения и определяемые им размеры кредитов получали силу и значение лишь в том случае, если были утверждены Учетным комитетом¹⁸ и управляющим Конторой» (там же, подчеркнуто нами.— Авт.). Кредиты выдавались только в 1876—1877 г., после этого они взыскивались еще несколько лет, следовательно, сам «синдикат» действовал только два года. К этому следует добавить, что сведения о «синдикате» 1876 г. давно известны по ведомственным изданиям, на одно из которых ссылается и Я. И. Лившин.

Таким образом, автор выдает за синдикат (картель) нечто, не имеющее ровно ничего общего с промышленными монополиями. Но «открытие» автора, отодвигаю-

¹⁶ Я. И. Лившин. Монополии в экономике России (Экономические организации и политика монополистического капитала), М., 1961.

¹⁷ Это видно из предложения управляющего Государственным банком управляющему конторой от 23 августа 1876 г. (ЦГИА СССР, ф. 587 — Гос. банк, оп. 56, д. 1024 «О предоставлении кредита синдикату сахарозаводчиков. 1871—1889 гг.», л. 33).

¹⁸ Орган при филиалах Государственного банка, состоявший из назначаемых министром финансов представителей местной крупной буржуазии и помещиков, которые в качестве знатоков определяли размеры кредитов, исходя из кредитоспособности капиталистов, надежности векселей. Комитет действовал под председательством управляющего филиалом.

щее на целое десятилетие назад начало монополизации сахарной промышленности, уже проникло и в другие работы¹⁹.

Еще в 1920-х годах было показано и подтверждено последующими работами снижение участия иностранных капиталов в русской промышленности в годы первой мировой войны. Крупнейшие новые монополистические объединения — Стахеева, Второва, Ярошинского — создавались без всякого участия иностранных капиталов. Я. И. Лившин же вопреки всей предшествующей литературе утверждает в своей работе (стр. 118), что «операции Ярошинского необычайно расширились с помощью американских капиталистов, согласившихся в середине 1916 г. предоставить ему кредит в размере 100 млн руб.». Это положение автор основывает на архивных материалах, обнаруженных в фонде Русско-Азиатского банка, и дает ссылку: ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 11, д. 1105, л. 1.

В указанной единице хранения (новый ее шифр: ф. 630, оп. 2, д. 783) имеются в машинописном и рукописном виде на русском и французском языках (лл. 1—5) три идентичных текста письма Ярошинского шведскому банкиру Ашбергу относительно кредита на 100 млн. руб., а также два идентичных текста дополнительного письма о вознаграждении самого Ашберга как посредника, если сделка состоится (лл. 6—7). Ярошинский пишет Ашбергу, что после личных устных переговоров с Ашбергом он, Ярошинский, в данном письме фиксирует и подтверждает сущность их устной договоренности. «Группа американских капиталистов через Ваше посредство имеет предоставить группе русских промышленников, во главе которой стою я, К. И. Ярошинский, капиталы в размере до ста миллионов рублей...». Указанные суммы выдаются «полностью или частями» с обеспечением паями сахарных заводов, акциями других предприятий и банков. На втором листе того же письма сказано: «Группе американских промышленников предоставляется опцион на четыре месяца, с 1(14) июня с. г., для заключения соглашения» (подчеркнуто нами.— Авт.). «Опцион» означает, во-первых, одностороннее согласие Ярошинского на заключение сделки с неизвестными пока американскими не то капиталистами, не то промышленниками на изложенных в его письме условиях. Опцион на 4 месяца означает, сверх того, согласие Ярошинского безотказно ждать ответное решение другой стороны в течение этого срока. Следовательно, о том, что «американские капиталисты» согласились кредитовать Ярошинского, в письме не сказано. Наоборот, из него видно, что они еще не дали согласия и могут решать этот вопрос четыре месяца. Во-вторых, ни один из трех текстов письма не имеет никакой надписи о том, что такое письмо вообще было отправлено Ашбергу. Между тем автор утверждает, что неизвестные американские капиталисты (промышленники) в середине 1916 г. уже согласились кредитовать Ярошинского. Начальной же частью фразы: «Операции Ярошинского необычайно расширились с помощью...» утверждается вопреки документу, что кредиты Ярошинским фактически были получены, т. е., что соглашение не только было «заключено», но и «выполнено».

Вся эта версия, «основанная» всего лишь на недопустимом обращении с документом, представляет, по существу, ничем необоснованный авторский вымысел. К сожалению, он также уже вошел в нашу литературу.

В другом месте автор ставит целью показать, что промышленные монополии устанавливали контроль над железными дорогами. Он пишет: «Установление контроля над железнодорожной сетью началось с частных железных дорог... Для облегчения этого процесса капиталистические монополии практиковали финансирование частных дорог путем приобретения их акций в оплату поставок оборудования. В 1910 г. управляющий делами «Продвагона» констатировал, что заводы, входящие в синдикат, берут плату за поставку акциями строящихся железных дорог» (стр. 374). Здесь автор дает одну единственную ссылку на архив: ЦГИАЛ, ф. 1333, оп. 2, д. 8, л. 126, а затем продолжает: «Прибрав к рукам частные железные дороги, монополистический капитал несомненно поставил бы практически вопрос о передаче в его руки контроля и над правительственными железными дорогами» (подчеркнуто на-

¹⁹ См., напр., Т. Д. Крупина. К вопросу об особенностях монополизации промышленности в России. Сб. «Об особенностях империализма в России», М., 1963, стр. 198.

ми.— Авт.). Архивный документ, на который дается ссылка, представляет собой доклад управляющего делами синдиката «Продвагон» П. Г. Иванова собранию контрагентов от 28 января 1910 г. Как известно, в это время железнодорожные заказы на вагоны упали по сравнению с 1900 г. на 55%, а с 1905 г.— на 45% (на товарные вагоны в 4 раза). Положение всех заводов было исключительно тяжелым, а заводов, производивших одно только товарные вагоны,— убыточным. Предстояло заключение нового синдикатского договора, и каждый завод старался хоть немного повысить свою долю в резко снизившейся загрузке всей отрасли.

В документе не «констатируется», а исчерпывающе разъяснено, почему заводы стали принимать акции в оплату поставок. Мотивируя необходимость скорейшего заключения договора о продлении синдиката, управляющий делами «Продвагона» указывал, что «отдельные случаи участия названных заводов во вновь возникающих железнодорожных обществах начали вызывать опасения со стороны большинства заводов. Сущность заключается в участии заводов в реализации акционерного капитала путем получения в уплату за подвижной состав, рельсы, мосты, устройство водоснабжения и пр. поставки и работы не деньгами, а акциями (полностью или отчасти, в зависимости от условий). Несомненно, что подобный способ уплаты сопряжен с некоторыми потерями для заводов и объясняет, конечно, желание последних обеспечить себя заказами в предположении, что эти заказы (паровозов и вагонов) будут зачитываться в долю заводов не в полных суммах (пример Коломенского завода и заказа Армавир-Туапсинской жел. дор.). Если до настоящего времени подобные случаи являлись единичными, сравнительно незначительными, а главное, подчиненными условию существующего соглашения, то это не исключает возможности повторения их в более широком масштабе и также вполне возможно, что ко времени окончания существующего соглашения вагоностроительных заводов отдельные участники его окажутся связанными договорами с различными новыми железнодорожными обществами и организация нового соглашения представится делом весьма трудным и, быть может, даже совершенно невозможным без серьезных потерь и значительных уступок со стороны многих заводов в пользу некоторых. В этих видах также вполне целесообразно и предусмотрительно теперь же продлить существующее соглашение и только по возможности обеспечить его большую прочность, наметив все необходимые и указанные практикой изменения условий этого соглашения» (ЦГИА СССР, ф. 1333, Ревизия сенатора Д. Б. Нейдгарта, оп. 2, д. 8, лл. 126об., 127. Подчеркнуто нами.— Авт.).

Таким образом, из содержания документа очевидно, что вагоностроительные заводы не «финансировали» железные дороги, а вынуждены были, за отсутствием сбыта на нормальных условиях, получать за свою продукцию акции и продавать их затем с «некоторыми потерями». На этот путь стали отдельные заводы. Большинство же заводов и «Продвагон» в целом (а именно они представляли собой капиталистическую монополию, о которой говорится в тексте книги) были против покупки акций как действий, ослабляющих синдикат. Из содержательного документа выхвачен один частный факт, совсем ничтожный вне всего контекста.

Единственно на этом мелком факте «построен» вывод широкого обобщающего значения— о начавшемся захвате промышленными монополиями в целом контроля над частными железными дорогами. «Вывод» прямо перерастает в безапелляционный прогноз о неизбежности завершения начавшегося процесса и перерастания в контроль над государственными железными дорогами. Поистине документальная «мышь» (одна деталь) родила гору выводов, выделяющихся своим значением и новизной (к сожалению, только вымышленными).

Те же частные железнодорожные общества, «покоряемые» «Продвагоном», в другом месте книги (стр. 174) изображаются в качестве крупных грабителей государственных средств.

Автор пользуется при этом ведомственным изданием «Краткий очерк развития нашей железнодорожной сети за десятилетие 1904—1913 гг.» (СПб., 1914). Он пишет: «Общая сумма бюджетных кормлений частных железнодорожных о-в составила за указанные годы (1904—1913) 104,9 млн. руб.». На стр. 60 указанного издания, на которую

ссылается автор, действительно имеется таблица, которая в сумме итогов за 10 лет дает 104,9 млн, из них 89 млн руб. за шесть лет и 15,4 млн за 1910—1913 гг. Однако на том же развороте, на стр. 61 имеется другая таблица, продолжающая первую. Из нее видно, что казначейство получило от прибыльных железнодорожных обществ за 1904—1913 гг. 173 млн руб., в том числе за 1910—1913 гг.— 133 млн, т. е. почти в 9 раз больше, чем уплатило убыточным.

Эти цифры позволяют сделать ряд интересных и существенных выводов об изменениях (не только финансового характера), которые произошли во взаимоотношениях между государством и частными железными дорогами. Автор же выхватил одну цифру для вывода, который нельзя назвать иначе, как прямой фальсификацией использованного документа.

Мы проанализировали несколько документов из тех, на которые Я. И. Лившин ссылается и делает при этом широкие обобщающие выводы. Анализ показал, что документы не дают никаких оснований для подобных выводов²⁰.

Приходится сталкиваться с такими случаями, когда в архивных материалах, на которые ссылаются авторы, вообще отсутствуют сообщаемые ими сведения. Составители одного из томов серии сборников документов «Крестьянское движение в России в XIX в.» при фронтальном просмотре материалов не смогли обнаружить данных, о которых упоминается в статье Р. А. Таубина «Из истории пропаганды революционной партии среди крестьян и солдат в годы революционной ситуации»²¹. Ссылаясь на два дела этого архива из фонда Канцелярии министра внутренних дел (ф. 1282, оп. 1, д. 101, лл. 17 об.— 22 об.; 27, 29; д. 147, лл. 26—31, 55—57, 63 и др.), автор сообщает о попытках распространения «Колокола» со статьями «Что нужно народу?» «среди крестьян Казанской, Пермской, Саратовской и других губерний», подкрепляя этим тезис о том, что «случаи распространения „Что нужно народу?“ среди солдат и крестьян не были единичными». Проверка показывает, что хотя автор и пользовался этими делами и сделал выписки с указанных в ссылке листов, документы не содержат никаких сведений, подтверждающих его сообщение.

Гораздо чаще, к сожалению, встречается неточное цитирование архивных источников и неверные ссылки на документы. Приводим несколько примеров из монографии П. С. Ткаченко²², где неоднократно цитируется одно из дел Министерства юстиции ЦГИАЛ, ф. 1495, оп. 76, д. 7331).

На стр. 186 дается такая цитата: «Новый строй должен быть федерацией самостоятельных общин, коллективных собственников всех орудий производства», которая в документе (д. 320) звучит так: «Новый же социальный строй, судя по теории, находящей себе выражение в трудах той фракции социально-революционной партии, взглядов которой держится автор только что указанной брошюры, должен быть федерацией самостоятельных общин, коллективных собственников всех орудий производства».

²⁰ Столь же произвольно трактуются в монографии неархивные источники. Например, для доказательства, что нефтяные монополии сдерживали в Майкопе добычу нефти и «результатом политики» нефтепромышленников «было настолько прочное замораживание» майкопского месторождения, что кубанский наказной атаман разрешил казакам «обращать нефтяные земли под сады и огороды» (стр. 327), дана ссылка на журнал «Нефтяное дело» (№ 13, 1913, стр. 27). В отделе «Хроника» сообщается: «Разочарование в Майкопе самое сильное, безнадежные мечтатели превратились в скептиков... наказной атаман разрешил эксплуатировать земли под сады и огороды, согласившись, что существование нефти в этом районе не подтвердилось вескими доказательствами и что станичное общество будет в большом выигрыше, если нефть окажется там, где земля занята культурными участками» (т. е. получит более крупную компенсацию от нефтепромышленников). В действительности же в то время в Майкопском районе не смогли найти промышленных месторождений нефти ни русские, ни английские капиталисты, которые потеряли там несколько миллионов фунтов стерлингов. И только советские геологи сумели разобраться в сложной структуре Майкопа, и с этого времени могла начаться его промышленная разработка.

²¹ «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», М., 1960, стр. 384.

²² П. С. Ткаченко. Революционная народническая организация «Земля и Воля», М., 1961.

На стр. 187 автор цитирует: «Печатные сочинения крайне революционного содержания и рукописи, все относящиеся к целям пропаганды социалистических идей». В указанном же деле (л. 76) сказано: «Печатные сочинения действительно крайне революционного содержания и рукописи, все прямо или косвенно относящиеся к целям пропаганды социалистических идей».

В цитате на стр. 188 говорится: «людьми Царства Польского», а в деле (л. 211): «молодыми людьми из уроженцев Царства Польского».

Крупные цитаты на стр. 186 и 163 еще резче отклоняются от подлинных документов (ф. 1405, оп. 76, д. 7331, лл. 70—71 и ф. 1282, оп. 1, д. 363, л. 19). Только по фондам ЦГИА СССР в работе имеется еще не менее пяти случаев неточного цитирования архивных документов.

На стр. 163, 164, 178, 179, 215, 217 автор дает ссылку на один и тот же фонд Особого присутствия Правительствующего Сената в пяти вариантах, пугая при этом два разных архива: ЦГИАЛ — в Ленинграде (ныне ЦГИА СССР) и ЦГИАМ (ныне ЦГАОР) в Москве, где этот фонд действительно хранится.

При ссылках на фонд Канцелярии министра внутренних дел в ЦГИАЛ автор не указывает год, что необходимо по данному фонду (стр. 162, 163, 179, 183, 217, 218), а на стр. 217 и 218 неверно указывает и номер описи (оп. 1 вместо оп. 2); на стр. 183 в ссылке на фонд Министерства юстиции не указывается номер описи²³; неоднократно неверно указываются номера дел (на стр. 185 и 186; ЦГИАЛ, фонд М-ва юстиции, оп. 26, ед. хр. 73—31; на стр. 187 и 188: един. хр. 7331 вместо 7332); на стр. 218 и 219 ссылки на фонд Департамента полиции исполнительной (ЦГИАЛ) неверно указаны и номера описей и номера дел. На стр. 163 помимо архивного шифра дается ссылка на сборник «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 2 (М., 1950), документы 157, 158. Оба эти документа никакого отношения к фактам, излагаемым в том месте работы, от которого дается ссылка, не имеют. В свете сказанного в значительной степени теряет смысл утверждение рецензента В. П. Крикунова о том, что заслугой П. С. Ткаченко является «расширение источниковедческой базы исследования»²⁴.

Не меньшее число аналогичных примеров можно привести из двух статей Р. Ф. Михайловой по истории русского театра²⁵, размером в 24 печатные страницы, где использованы только 5 архивных дел ЦГИА СССР.

В данном конкретном случае, поскольку автор — молодой историк, мы не можем, как в предшествующих и последующих примерах, пройти мимо некоторой общей оценки статей по существу. Нам представляется, что они интересны, а выводы автора в основном правильны. Разумеется, неправильное цитирование не могло не сказаться на некотором обеднении статей в смысле их полноты и точности выводов, но все же это не привело к серьезным просчетам.

Из ряда случаев неточного цитирования документов ограничимся двумя примерами. В статье Р. Ф. Михайловой, опубликованной в 1960 г., мнение В. А. Сологуба излагается с помощью такой цитаты из документа: «Наступила эпоха, когда учреждение железных дорог и признание личных прав низшего народного класса ясно доказывает, что открытие народных театров сделалось мерой государственной необходимости» (стр. 79), в документе же написано: «...наступила эпоха, когда учреждение железных дорог и признание личных прав низшего народного класса ясно указывают, что отвлечение от буйства питейных домов посредством народных театров сделалось мерой государственной необходимости».

В статье, опубликованной в 1961 г., излагается мнение московского генерал-губернатора В. А. Долгорукова, который считал полезным устройство театра для (далее

²³ Фонд Министерства юстиции в ЦГИАЛ СССР насчитывает около полумиллиона единиц хранения.

²⁴ «Вопросы истории», 1963, № 7, стр. 140

²⁵ Р. Ф. Михайлова. Вопрос о театральной монополии в 1856—1858 гг. «Научные доклады высшей школы, исторические науки», 1960, 13, стр. 76—77; Ее же, К вопросу о создании народного театра в России в конце 60-х — начале 70-х годов XIX века, «Вестник Ленинградского ун-та. Серия истории, языка и литературы», 1961, № 8, вып. 2, стр. 66—78.

цитата из документа): «малообразованного и плохо развитого умственно, но многочисленного класса» (стр. 79). А в документе сказано: «...малообразованного и плохо развитого умственно, но между тем многочисленного в Москве, как центре русской промышленности класса народа». Произвольно выброшенные при цитировании слова Р. Ф. Михайлова не отмечают отточием.

Даже исследования признанных ученых не всегда ориентируют молодых исследователей на тщательное отношение к источникам и скрупулезное использование архивных документов. Так, из двухтомной монографии О. О. Нестеренко²⁶ можно привести следующие примеры неправильного подхода к источникам.

А. В книге не раз используются со ссылкой на архив статистические ведомственные издания и даже авторские работы, которые находятся среди документальных материалов фондов ЦГИА СССР.

Так, со ссылками на архив неоднократно фигурирует «Статистический очерк горной промышленности России с 1860 по 1877 год» А. П. Кеппена (ч. I, стр. 353, 369, 372, 375; ч. 2, стр. 45, 48, 62, 64, 66—68), опубликованный в «Известиях Императорского русского географического общества» (1880 г., т. XVI, вып. 3), а затем выпущенный отдельным изданием²⁷. Со ссылкой на ЦГИАЛ, ф. 1278, оп. 7, д. 1441 (ч. 2, стр. 486—488, 491, 493) без всяких пояснений используется широко известное ведомственное издание «Общий обзор главных отраслей горной и горнозаводской промышленности к 1 января 1913 года», СПб., 1913. Со ссылками на фонды ЦГИА используются изданные доклады и другие материалы съездов горнопромышленников Юга России (ч. 2, стр. 49, 317—320, 379, 381), брошюра бывшего управляющего одним из каменноугольных рудников Л. Верещинского «Рабочий шахтер в Донецком бассейне» (ч. 1, стр. 355; ч. 2, стр. 207, 218, 245, 248, 269, 355) и вырезки из газет (ч. 2, стр. 386—388). При этом в одних случаях в книге оговаривается, о каких материалах идет речь, в других же, наоборот, отмечается (ч. 2, стр. 64, 245, 247, 386), что используются якобы именно архивные документы.

Автор обращается к ряду архивных материалов, уже введенных в научный оборот другими исследователями, не оговаривая этого и не ссылаясь на работы предшественников. Так, в разделе «Возникновение и развитие новых монополий в промышленности Украины» он неоднократно основывается на одном из дел Горного департамента (ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 67, д. 1202 — «Переписка о расследовании деятельности Общества для торговли минеральным топливом Донецкого бассейна»), которое еще в 1955 г. было широко использовано в печати М. Я. Гефтером, а в 1956 г. — П. В. Волобуевым²⁸.

Б. В работе (под глужими ссылками) широко использованы отчеты губернаторов и статистических приложений к ним (также ведомостей о фабриках и заводах). Историковедческая характеристика и критика этого источника не дается, не объяснена и методика его использования²⁹. Без критики привлекаются статистические данные, например, с ссылкой «ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 74, д. 244» из упомянутых изданий съездов горнопромышленников Юга России. Не дается и характеристика такого источника, как указанный выше «Статистический очерк...», хотя его составитель А. Кеппен счел в предисловии необходимым оговорить происхождение и особенности статистических данных. В монографии часть статистических таблиц воспроизводится целиком, но без указания на это (ч. 2, стр. 29, 45, 62, 64, 66—68), некоторые данные приведены с искажениями и опечатками (напр., ч. 2, стр. 45, 319, 484).

²⁶ О. О. Нестеренко. Розвиток промисловості на Україні, ч. I и II. Київ, 1959, 1962.

²⁷ Именно это издание находится среди документальных материалов Горного департамента и подшито к делу (ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 74, д. 87). На указанных в тексте страницах даются ссылки на листы этого дела (1—2, 3, 5, 11—23, 28—31).

²⁸ М. Я. Гефтер. Царизм и законодательное «регулирование» деятельности синдикатов и трестов в России накануне первой мировой войны. «Исторические записки», т. 54; П. В. Волобуев. Из истории синдиката «Продуголь», «Исторические записки», т. 58.

²⁹ Напомним, что В. И. Ленин, критикуя недостатки правительственной фабрично-заводской статистики, особо указывал на недостатки отчетов губернаторов. (В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 465—466).

В. Работа содержит ряд неточных ссылок на документы ЦГИА СССР, что затрудняет разыскание использованных документов. Не раз даются ссылки как на два самостоятельных архива — на Центральный государственный архив древних актов—ЦГАДА (ч. I, стр. 122, 123, 124, 168) и на Государственный архив феодально-крепостнической эпохи — ГАФКЭ (ч. II, стр. 337, 349, 357). Как известно, это один архив, преобразованный из ГАФКЭ в ЦГАДА еще в 1941 г. Странное впечатление производит и следующее обстоятельство: ссылки на ЦГАДА даются в первой части монографии, вышедшей в 1959 г., устаревшие ссылки на ГАФКЭ — во второй части, вышедшей в 1962 г. Все ссылки на ЦГАДА относятся к фактам XVII—XVIII вв., ссылки на ГАФКЭ — к начальным годам XX в. Заметим, что в монографии лишь в виде редкого исключения указываются названия используемых документов, а названия фондов вообще не раскрываются.

Резюмируя, надо сказать, что источниковедческая основа — в том виде, как она отражена в монографии, — не может способствовать использованию в будущих исторических исследованиях документов, которые привлек О. О. Нестеренко. Иного, по-видимому, мнения придерживаются рецензенты монографии: «Автор собрал и обработал огромный архивный материал»³⁰.

Сложность выявления неправильного использования документов и недостаток места вынудили сосредоточить внимание читателей на примерах из 4—5 работ, где главным образом использованы материалы ЦГИА СССР. Это отнюдь не означает, что подобных случаев нет у других авторов³¹. О распространенности не критического и произвольного обращения с архивными документами свидетельствует разнохарактерность указанных работ как по тематике, так и по опыту их авторов — от аспиранта до доктора наук.

* * *

Преодоление недостатков в использовании архивных документов следует начинать с простейших мер, с наведения порядка в ссылках на архивные документы. Как показано выше, вопрос о ссылках на документы имеет в одинаковой мере и узко прикладное практическое и глубоко принципиальное значение. В наведении порядка нуждается прежде всего и установившаяся система, которая указывает только на местонахождение документа³².

Практика указывает на необходимость проведения специальной сверки по архивным документам всех ссылок на них при завершении работы и особенно перед ее изданием. Показательно, что число неточностей значительно сокращается у авторов, которые пользуются фотокопиями материалов.

Наведение порядка в ссылках на архивные материалы связано и с разного рода изменениями шифров дел и целых фондов в архивах. «Перешифровка» дел при переработке фондов, использованных в литературе, вызывает обоснованные возражения исследователей. Составление переводных таблиц лишь облегчает нахождение дела по старому номеру (шифру). Однако документы, которые фигурировали в литературе со ссылками на прежние шифры, появляются под новым шифром, что затрудняет установление их тождества. Следовало бы сохранять и при переработке фондов за делами их прежние номера, а новые шифры вводить как дополнительные или только для «внутриархивных» нужд.

При крупном перемещении фондов, как недавняя ликвидация ЦГИАМ, следовало бы широко информировать об этом в печати научную общественность, разъяснить но-

³⁰ См. А. И. Консевич, Ф. Е. Лось, В. Т. Чунтулов. Фундаментальный труд по истории промышленности Украины. «Вопросы истории», 1964, № 1, стр. 142.

³¹ В ЦГИА попутно, при выполнении другой работы обнаружены неверные ссылки на документы архива в 27 работах, напечатанных в сборниках, «Ученых записках» и других продолжающихся изданиях за 1959—1962 гг.

³² Реквизиты ссылки — архив, фонд, опись, дело, листы (ЦГВИА, ф. 369, оп. 21, д. 45, лл. 117—123) нуждаются по некоторым фондам еще в одном дополнении — год. Это относится к тем фондам, где нумерация описей в пределах фонда или дел в пределах описей не валовая, а за каждый год начинается с первого номера. По фондам, где сказанное относится к нумерации описей, год ставится перед описью, во втором случае — после описи и перед «делом». Никаких других реквизитов местонахождения документов не требуется.

вый порядок ссылок на передаваемые материалы. Нельзя признать оправданными переименования архивов, вызываемые только административными соображениями. Недавно государственные архивы Ленинградской области (ГИАЛО и ГАОРСС ЛО) были переименованы в Ленинградские государственные архивы (ЛГИА и ЛГАОРСС), что неизбежно создает впечатление о появлении каких-то новых архивов.

Принципиальное значение ссылок на архивные материалы требует постановки вопроса о распространении на исследовательские работы системы ссылок того же типа, которая установлена для публикации документов (с сохранением в ее составе в качестве обязательного элемента установленного шифра).

Ссылка на документальный источник должна включать, кроме цифрового шифра, следующие данные (если, разумеется, они не указаны автором в самом тексте работы): название архивного фонда (в каждом отдельном случае или в специальном списке использованных фондов), краткий заголовок использованного документа, раскрывающий его содержание, его точную дату, а также указание на подлинность документа, его характер (проект, типовая форма документа и т. п.) и способ воспроизведения (особенно важно указание на типографский экземпляр).

Краткий заголовок документов или дел (если в основном тексте работы отсутствует их характеристика) разъясняет характер документа и облегчает его разыскание в случае перемены места хранения, вынужденного изменения архивного шифра или технической ошибки в ссылках на документы. Заголовок нужен и потому, что для XIX—XX вв. характерна множественность значительного числа документов (идентичные типографские экземпляры документов госучреждений, циркуляры, договоры с участием ряда фирм, подлинник и отпуск и др.). Такие документы отлагались одновременно в разных фондах, нередко и в разных архивах. При обнаружении в другом фонде такого документа, уже использованного под глухой ссылкой, можно и не разобраться, что он является отнюдь не новым.

От идентичных экземпляров документов следует отличать весьма близкие, но не вполне совпадающие по содержанию. Таковы незавершенные документы: проекты и предположения, их варианты. Они отлагались в фонде составителя и тех учреждений, куда были посланы. Полный комплекс последовательных по времени документов обычно имеется лишь в фонде составителя. Возможны разночтения и между разными экземплярами любого документа, отложившимися в разных фондах. Основными экземплярами документов должны, как правило, считаться их подлинники, с обязательным, разумеется, выяснением для документов-проектов, были ли они завершены (решение оформлено, циркуляр издан, договор заключен и т. п.). При наличии разночтений необходимо давать отсылку на оба экземпляра документа.

Если архивный документ опубликован в сборниках или других изданиях, ссылка должна делаться только на публикацию. Двойная ссылка (одновременно и на архив) должна делаться только в том случае, если исследователь пользовался архивным экземпляром из-за неполноты публикации или обнаружил разночтения. Параллельная ссылка оправдана и в том случае, если архивный шифр документа изменился или публикация, как это было в 1920-х годах, еще не имела ссылок на архив.

Если документ уже использован в литературе, надо ссылаться на работу предшественника. Параллельная ссылка на документ допустима и нужна лишь в том случае, если новый исследователь рассматривает документ в аспекте, не интересовавшем предшественника. Если же предшественник неполно или поверхностно изучил этот документ, а «глухую» сноску все же на него дал, то правомерно ограничиться указанием, что ссылка на документ уже давалась.

Несмотря на известную сложность такой системы ссылок, она нам представляется необходимой. Укажем, что она находит поддержку и со стороны целого ряда других исследователей, применяющих ее и в своей практической работе³³.

Необходимо внести и большую организованность в усвоение малоопытными научными работниками необходимых сведений и навыков работы над архивными источниками. Следует подготовить и издать пособие, которое бы ориентировало малоопытных исследователей в том, что нужно знать для рациональной организации своей работы над

³³ См., напр., М. К. Рожкова. Мой опыт работы с историческими источниками. «История СССР», 1961, № 6, стр. 167.

архивными источниками, включая и понимание методики работы над ними. Подход и приемы работы над разными группами документов имеют свои отличия. Существуют, однако, и должны обобщаться некоторые общие методы работы над делопроизводственной документацией.

Научные учреждения и издательства во внутренних отзывах, а исторические журналы в публикуемых рецензиях должны требовать от рецензентов четкую и обоснованную оценку источниковедческой базы исторических работ. Если же работы написаны так, что дать оценку их базы невозможно, то рецензенту надо это отмечать особо, как их серьезный недостаток.

Необходимо всемерно бороться против все еще стойких представлений о том, что критика и анализ использованных источников, особенно же изложение и цитирование крупных новых документов — это «излишество». Чаще всего приходится с этим сталкиваться при подготовке исследований к изданию. Изложение используемого источника с его, в нужной мере, цитированием способствует доказательному и правильному толкованию существенного или сложного документа. Оно является и важной формой введения новых источников в научный оборот и способствует движению вперед исторической науки.

Более того, следует считать обязательными и для крупных монографий специальные обзоры всех использованных источников. обстоятельная их источниковедческая характеристика должна наряду с историографическим обзором стать принадлежностью каждой серьезной научной работы.

Изложенное предложение, разумеется, может в полном объеме лишь постепенно войти в научный обиход. Но и до этого, в процессе его становления и появления все новых исследований, раскрывающих свою источниковедческую основу, начнет сказываться влияние новой практики на общее повышение уровня исследовательской работы:

а) Расширится и качественно улучшится введение в научный оборот новых документов (а в монографиях могут вводиться, по существу, целые пласты документов и даже целые фонды).

б) Исследователи той же или близкой тематики смогут лучше разобраться и оценить источниковедческую сторону работы, найдут ценные указания на характер источников, нужных для их собственных исследований.

в) Рецензенты и критики получают основу для более глубокого суждения и оценки значения монографии и ее места в поступательном движении исторической науки. Станет невозможным ограничиваться общими и малосодержательными оценками источниковедческой базы. обстоятельный критический ее разбор постепенно станет обязательным.

г) Начинающие исследователи скорее освоюют опыт зрелых ученых, лучше и быстрее овладеют научным подходом в оценке источников, правильными приемами их использования.

д) Постепенно создастся атмосфера, в которой не смогут оставаться незамеченными «хищнические методы», поверхностный характер и небрежность в использовании источников. Авторские домыслы начнут вызывать к себе нетерпимое отношение.

Повышение уровня использования архивных документов в исследованиях окажет благотворное воздействие и на развитие источниковедения истории СССР периода капитализма: даст ему большой материал, привлечет внимание к тем видам и разновидностям источников, которые характерны для периода капитализма, но все еще остаются вне поля зрения источниковедения. Оно выйдет за рамки характеристики источников и приемов их критики, начнет больше влиять на уровень практической работы.